

УДК 316.75
ББК 71.06
DOI 10.25281/2072-3156-2017-14-6-662-669

Ю.В. КИТОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК КУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

Юрий Валентинович Китов,
Арктический государственный институт
культуры и искусств,
проректор по научной работе,
профессор
Орджоникидзе ул., д. 4, Якутск,
Республика Саха (Якутия), 677000, Россия
доктор философских наук, профессор
E-mail: ykitov@gmail.com

Реферат. Освещается проблема благосостояния как явления культуры. Прежде чем обратиться к рассмотрению сущности благосостояния с точки зрения культурфилософского подхода, в статье раскрываются преимущества и слабые места лингвистического и экономического подходов к анализу благосостояния. Автор акцентирует внимание на том, что лингвистический подход позволяет удерживать в поле исследовательского внимания двуединые основания благосостояния, отражаемые в корневой лингвистической природе слова. Другой сильной позицией лингвистического подхода оказывается возможность удержания в поле исследовательского внимания блага не как абстрактного состояния, а в связи с субъектом — его обладателем. Отмечается также и слабость лингвистики, которая проявляется тогда, когда возникает необходимость толкования благосостояния как явления культуры, т. е.

когда субъект оказывается не субъектом вообще, а субъектом культуры. Положительной стороной экономического подхода выступает его конкретность, хотя и выраженная через прагматичность. Благо как желаемое для субъекта состояние выступает в виде пользы для экономиста. Данное обстоятельство позволяет в рамках экономического подхода различать полезные и «бесполезные» блага, понимая под первыми существенные для экономики доход и прибыль. Вместе с тем, когда речь заходит о благах, чья ценность определяется внепрагматичными культурными причинами, данный подход оказывается менее желательными. Отсюда следует, что для изучения благосостояния как универсального и общего явления, находящегося в области культуры, наиболее адекватным выступает культурфилософский подход. Данное понимание благосостояния полагает таковым состояние, которое отличается совершенством, онтологичностью, общественным характером и универсальностью. В качестве субъекта — носителя благосостояния выступает свободный от зависти, стремящийся к порядку и нравственности человек. В случае характеристики элиты относительно благосостояния как культурного явления ее основным стремлением должно выступать народное, а не собственное благо.

Ключевые слова: благосостояние, культурфилософский подход, экономический подход, единство логического и исторического.

Для цитирования: Китов Ю.В. К проблеме изучения благосостояния как культурного явления // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 662–669. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-662-669.

Изучение благосостояния в связи с субъектной составляющей культуры в современной культурологии сталкивается с рядом сложностей. Первая — это, за исключением редких социологических исследований [см., напр.: 1], слабая разработка в современной науке о культуре. Вторая — довольно длительный его анализ в современной экономической науке, который наложил свой отпечаток на понимание субъектной составляющей культурологами [2–6]. Третья — неразработанность понятия «благосостояние» в его культурфилософском значении.

Для анализа понятия «благосостояние» обратимся вначале к его лингвистическому толкованию. Оно сложносоставное и содержит в себе характеристики, отражаемые понятиями «благо» и «состояние». Поэтому изучение благосостояния будет продуктивным, если исследователь предпримет попытку удержать в поле зрения обе составляющие, а не попытается абстрагироваться, например, от состояния субъекта, которое характеризуется благом, и сосредоточится на благосостоянии как не связанном с субъектом явлении. И хотя лингвистическое объяснение явления отражает лишь одну из сторон и не в состоянии выявить все нюансы научного его толкования, в особенности культурфилософского, оно является продуктивным в подчеркивании сложности природы благосостояния. Важным этапом, предвещающим культурфилософское понимание благосостояния, является определение того, каким благосостояние видится экономистам.

Экономическое определение блага как части благосостояния онтологизирует его, наделяет внешними по отношению к человеку причинами, выводит природу формирования блага за пределы возможности влияния на нее человека, превращая благо в предмет стремления, в желание обладания, в причину человеческой активности, основания которой, говоря бахтинским языком, «внеположны» человеку. Так, в определении сущности блага экономистами привлекается понятие полезности: «Поскольку блага имеют различную полезность для потребителя, важно выявить его фактические предпочтения, проявляющиеся в поведении на рынке, которые играют важнейшую роль в ценообразовании, а следовательно, и в формировании доходов потребителя» [5, с. 86]. Если полезность блага оказывается различной для потребителя, то, следовательно, не потребитель влияет на формирование блага. Культурфилософское понимание оказы-

вается прямо противоположным экономическому, поскольку в нем предметы и явления, обладающие качеством блага, становятся таковыми, поскольку соответствуют какой-либо из потребностей человека. С одной стороны, они не являются абстрактными сущностями, создаваемыми богами, а потому и неподвластными человеку; с другой стороны, несмотря на то что они в своей точной определенности могут быть созданы другими людьми для удовлетворения их реальных потребностей, качеством блага для отдельного индивида они наделяются в момент удовлетворения потребностей конкретного человека, т. е. что может быть благом для одного, не обязательно является благом для другого.

Самое большее, на что способен экономический подход в своем приближении к культурологическому в понимании благосостояния — это не делать экономическое производство конечной целью развития человека, а рассматривать его в одном ряду с выбором профессии, политической и культурной деятельностью: «При таком подходе рост экономического производства увеличивает возможности человеческого выбора в отношении работы, досуга, политической или культурной деятельности в большей степени, чем служит сам по себе конечной целью» [5, с. 86].

Вместе с тем движение в сторону понимания благосостояния как культурного явления со стороны экономиста останавливается на полпути, допуская возможность включения культуры в ряд целей воспроизводства. Однако же когда вопрос касается сущности благосостояния или путей его достижения, для экономиста оно всегда остается явлением, характеризуемым терминами «доход», «потребление», «ценообразование».

Еще одна сфера человеческой жизни, где экономистами допускается влияние культуры на благосостояние, — это поле, на котором разворачивается действие экономической деятельности, или представление культуры как поля осуществления экономической деятельности по достижению благосостояния. Подобно тому, как играть в большой теннис можно на травяном или грунтовом покрытии, которые в состоянии повлиять на процесс игры, но не на ее суть, так и достигать благосостояния можно на любом из полей человеческой деятельности. Главное при этом, чтобы его (благосостояния) суть оставалась неизменной, и действие на любом из полей приносило доход. На первый взгляд можно предположить, что поле в корне меняет игру, так как на определенном поле могут одержать победу игроки, обычно не принадлежащие к сильнейшим, однако наиболее приспособленные к условиям игры на нем. Например, отскок мяча на грунтовом поле является низким и быстрым, и игрок, более приспособленный к нему, оказывается в лучшем положении, нежели его соперник. Поэтому игрок, победивший

на Уимблдонском теннисном турнире, может проиграть на чемпионате Франции «Ролан Гаррос», что скажется на его доходе, однако никоим образом не повлияет на прибыль организаторов турнира и не изменит сущность его формирования (продажа билетов, реклама, спонсорство и т. д.). Что организаторы могут предпринять — это изменить эстетику игры и сделать ее привлекательной для тех зрителей, которые готовы платить больше за игру на другом поле, а потому способствовать увеличению размера дохода.

Подчинение эстетического утилитарному в теннисной игре есть частный случай подчинения культурного экономическому. Отсюда принятие в расчет культурных особенностей полей получения дохода не меняет сути экономического понимания благосостояния как накопления экономических ресурсов.

Когда же экономисты обращаются к объяснению взаимосвязи культуры и экономики и обоснованию влияния культурных факторов на экономические, то их культурологическое воображение всякий раз наталкивается на теории, оторванные от экономической реальности. Так, культурологически позитивное заявление о том, что экономика является сферой современной жизни, «где наиболее заметно прямое влияние культуры на благосостояние отдельных государств и на глобальные процессы в целом» [5, с. 86], остается без подкрепления конкретными фактами. А утверждение, казалось бы, изначально содержащее критику современной экономической мысли за ее поощрение ошибочной практики понимания экономики как пространства удовлетворения эгоистических потребностей и желаний, не только «зависает» в бездоказательном вакууме, но и входит в противоречие с пониманием сущности экономики, содержащимся в экономическом словаре. В словаре дается следующее определение экономики: «В современном значении экономика — это одновременно и одна из гуманитарных наук, и предмет изучения этой науки. Экономика — это все, что имеет отношение к производству, потреблению и обмену материальными благами, товарами или услугами, как на уровне индивидуумов и предприятий (микроэкономика), так и на уровне общества или всей планеты (макроэкономика) [7]. *Сегодня это уже не столько искусство снижения расходов, сколько искусство увеличения богатств. Излюбленное поле действия экономики — рынок, на котором царит закон спроса и предложения* [8]. Специалисты в области экономики в своем желании дополнить экономическое понимание благосостояния культурологическим отмечают: «Работа и деньги гораздо более значимы с точки зрения самоутверждения и статуса, причем это применимо к достижениям любого ранга: от организации международной корпорации до получения места цехового мастера. В свою очередь, эти достижения ни-

когда не являются плодом усилий одного человека, они существуют только в контексте социума, порождающего культуру. Адам Смит, экономист-классик “номер один”, был убежден, что люди движимы эгоистическим желанием улучшить свои условия, однако ему никогда не пришло бы в голову сказать, что экономическая деятельность может быть сведена к рациональной максимизации полезности» [5, с. 87]. Если провести сравнение текстов, то пропагандируемое авторами мнение экономиста-классика «номер один» о том, что экономика не имеет отношения к максимизации полезности, входит в противоречие с тем, что экономика сегодня есть искусство увеличения богатств. Как, впрочем, и протест против того, что экономика представляет собой самостоятельную сферу, в которой действуют особые законы, явно плохо вписывается в понимание рынка как сферы человеческой деятельности, где «царит закон спроса и предложения» [9].

Примеры показывают, что критическое мышление экономистов, насколько бы культурологически благоприятными ни были его начальные тезисы, в синтезе приводит к обоснованию зависимости культуры от экономики, при этом область культурных феноменов оказывается растворенной в области феноменов социальных. Не вина и даже не беда экономистов в том, что всякий раз выстраиваемое на экономическом фундаменте понимание благосостояния не выдерживает культурологической критики даже при частом использовании термина «культура». Просто сущность экономического понимания благосостояния — это естество другого порядка.

Есть в экономических работах не до конца проясненные вопросы, не дающие возможности целостного представления о том, как экономическая теория видит роль культуры в связи с благосостоянием, например, как в случае рядоположенности экономистами человеческого и социального развития.

В философско-культурологическом знании социальное сопоставляется с индивидуальным, а человеческое с природным, поэтому, когда в экономическом подходе происходит сопоставление человеческого и социального, а затем человеческое раскрывается через социальное, избежать некоторого элемента неопределенности оказывается довольно сложно, как и понимать благосостояние в виде «предпочтения относительно равенства возможностей»: «Человеческое благосостояние является большей величиной, чем простая сумма индивидуальных уровней благосостояния, так как включает в себя индивидуальные и социальные предпочтения относительно равенства возможностей, гражданских свобод, распределения ресурсов и возможностей получения образования и сохранения здоровья» [5, с. 86].

Примером другой неопределенности, вносимой экономистами в понимание благосостояния, являет-

ся недифференцированность категориального аппарата и предмета, отражаемого им. Причины этого содержатся, видимо, в термине «экономика», который является и наукой, и предметом, изучаемым экономистами. Применительно к благосостоянию неразличение категории и ее содержания выглядит, по мнению Г.А. Резника и И.В. Акифьева [5], следующим образом: благосостояние — многослойная и многоаспектная категория, которая характеризуется не только материальным достатком индивидуума, но и удовлетворенностью своей жизнью, высоким уровнем разнообразных потребностей и интересов, зависящих от различных факторов, оказывающих на нее непосредственное влияние. Философско-культурологическое знание трактует категории несколько по-другому. Категория не может характеризоваться не только материальным достатком, но и духовным, культурным. Она характеризуется адекватностью, четкостью, глубиной, полнотой отражения явления. Поэтому применительно к пониманию культурного благосостояния в контексте потребностей и интересов, используемому экономистами, следует говорить не только о культурных интересах и потребностях, но осознавать, что они являются категориями, в которых описывается благосостояние человека, социальных групп и даже общества в целом. Однако их конкретное наполнение должно быть связано с явлением культуры.

Культурфилософское осмысление благосостояния, несмотря на то что оно кажется менее точным, оказывается не менее важным для его понимания. Здесь обязательным условием является наделяние благосостояния качеством культуры, т. е. не всякое благосостояние человека будет выступать предметом изучения, а лишь то, которое характеризует его культуру. С другой стороны, не всякое явление культуры является отражением благосостояния человека, а лишь связанное с благом. Категориальное разнообразие явлений культуры настолько широко, что растворить культурное в благосостоянии было бы ошибочным. Например, такие категории эстетической культуры, как прекрасное и возвышенное, хотя и имеют линии пересечения с благосостоянием, тем не менее их содержание будет всякий раз выходить за его пределы. Так же и благосостояние не сможет быть понято только со стороны прекрасного. Еще одним условием культурфилософского понимания благосостояния являются не единичные его формы, а те, которые раскрывают его многообразие; не частичные его проявления, а целостные; не характеристика благосостоянием какой-либо обособленной сферы культурных проявлений человека, а их универсальный характер.

Из культурных универсалий наиболее близким к благосостоянию является понятие «благо». Оно являет собой параметр состояния человека, характеризующийся совершенством: «благо (греч. ἀγαθόν,

лат. *bonum*) — состояние и условие совершенства, осуществленного бытия; ведущее понятие средиземноморско-европейской (иудео-христианской) культуры, одно из традиционно принятых в ней имен божественного начала. Если в синонимичном понятии добра доминирует мотив абсолютного нравственного долга и волевого выбора, то понятие блага более онтологично» [10]. Наиболее интересным и ценным для понимания сущности благосостояния из приведенного выше определения является постулирование его онтологичности. Онтология является частью философии и выступает теорией, объясняющей фундаментальные причины бытия, принципы и первопричины сущего [11]. Кроме объяснительного потенциала онтологичность придает предметам и явлениям черты самостоятельности, определенной независимости существования. Она делает возможным суждение о благосостоянии вне зависимости от единичного субъекта. Если благосостояние онтологично, то отдельный человек, несмотря на то что он в состоянии оценивать и свое собственное благосостояние, и благосостояние других, тем не менее, не влияет на его природу, не является причиной, порождающей благосостояние. Оно, подобно другим явлениям культуры, имеет социальную природу, не возникает как интенциональный объект и даже не как результат труда отдельного человека, а как продукт коллективной деятельности.

В культурологическом смысле благосостояние как культурное явление порождается не культурой отдельного человека, но общества. Социальная природа благосостояния наделяет его по определению общими чертами, а значит, позволяет использовать его в критериальных целях. Имеется в виду, что изучение благосостояния как культурного явления позволяет аналитико-синтетическим путем составлять представление о культуре обществ по его (благосостоянию) количественно-качественным характеристикам.

Еще одной стороной благосостояния как явления культуры является его телеологичность. Аристотель при характеристике блага подчеркивал, что представленное в качестве цели благо выступает в виде «оптимального статуса, в котором все стремится к осуществлению». Следовательно, состояние оптимального статуса и является благосостоянием. Однако в каких случаях оно обретает культурные черты? Или оптимальное состояние является культурным состоянием по определению?

Если рассмотреть проблему достижения благосостояния в отмеченном аспекте одной из самых активных сегодня социальных групп — элитой, то мы столкнемся с тем, что культурное качество оптимальному состоянию будет задаваться целями, ставящимися перед собой не всей элитой, а ее отдельными сегментами. Так, когда под оптимальным состоянием понимается не только достижение

представителем элиты благосостояния для себя, но для своего народа, то сегментом элиты, придающим благосостоянию культурные смыслы, является культурная элита. Данному сегменту общества посвящена довольно обширная литература как в России, так и за рубежом [12–17].

Ученые именно с культурной элитой ассоциируют сущность элиты вообще. Так, вышецитируемые авторы Г.К. Ашин, С.А. Кравченко, Э.Д. Лозинский [9] отмечают, что подлинная элита человечества — это, прежде всего, духовная элита; она призвана генерировать новые идеи, ставить и решать смыслобытийные вопросы, освещать своему народу и всему человечеству пути в будущее. Под элитой интеллигенции они понимают не просто людей, профессии которых связаны с преимущественно умственным трудом (это — интеллектуалы), а людей с обостренным чувством справедливости, людей, ориентированных на гуманистические ценности, могущих найти нетривиальные решения проблем, стоящих перед страной, человечеством, расширить его интеллектуальные горизонты, обнаруживающих узость рамок прежних подходов и выводов. Интересно, что ученые закрепляют оптимальное состояние за культурной элитой как по сущности, так и по этимологии, подчеркивая, что именно культурная элита более всего соответствует самой этимологии термина «элита» (или, по крайней мере, наиболее близка к нему).

Конечно, хотелось бы в работах, посвященных изучению элиты, большей определенности того ее сегмента, который, заботясь не только о собственном благосостоянии, но и о благосостоянии всех, ставит это целью своего оптимального статуса. Или если иначе, то оптимальный статус определенного сегмента подлинной элиты есть забота о других. Авторы поочередно называют подлинной элитой то духовную, то культурную, то элиту интеллигенции: «Интеллигенция как элита — нравственный фермент общества, это те, кто принимает на себя ответственность за все, происходящее в мире, — и за свою социальную группу, и за свой народ, и за весь мир (так понимал элиту, в частности, Х. Ортега-и-Гассет). Если принять, в соответствии с В. Парето, расчленение власти на ту, которая основана на силе, и ту, которая основана на убеждении, то политическая элита является носителем первой, а культурная элита — второй. Именно элита интеллигенции — начинатель и катализатор прогрессивных процессов, в том числе модернизации общества, движения его к индустриальному и далее — к постиндустриальному» [9]. Поскольку оптимальный статус предполагает заботу о других, нравственность, решение смыслобытийных вопросов и т. д., то, на наш взгляд, неважно какой из сегментов элиты этим качеством обладает, важно другое — обладание этим качеством разделяет элиту на подлинную и мни-

мую. В силу того, что «оптимальный статус» обладает культурной сущностью, то его наличие у любого из сегментов элиты делает ее нравственным, заботливым, модернизирующим, прогрессивным субъектом. Поэтому если элита ставит перед собой достижение оптимального статуса как состояния, приносящего ей и ведомому народу блага, то можно сказать, что благосостояние определяет цели данной элиты.

Наиболее эффективным способом выявления «оптимального статуса», на наш взгляд, является работа с культурными интересами элиты. Кроме того, интересы могут многое сказать об их носителе, они оказываются связанными и с состоянием, и с целеполаганием. Нами ранее отмечалось в работах, что интерес обладает свойствами, которые позволяют ему, описывая внутреннее состояние и предрасположенность к определенному, существующему именно в этом состоянии поведению, детерминировать практическую готовность к целенаправленному поведению и действию. Именно соединение сознательных и практических элементов придает интересу характер завершенности, поэтому его изучение способно представить культуру региональной элиты как целостное образование.

Поскольку выявление содержания изучаемого феномена предполагает его анализ в единстве логического и исторического, обратимся к тому, как благосостояние выступило предметом историко-философского изучения.

Согласно общепринятому в философии мнению: «Греческий идеализм вложил в концепцию блага мистический опыт погружения в просветленную суть вещей как в среду, наиболее родную и близкую человеческому существу; бескорыстное, “бесплезное” интеллектуальное созерцание оказывалось наиболее прочным, дорогим и сущностно обогащающим благом» [10]. Естественно, что полное принятие идеалистической трактовки в вышеприведенном виде и тем более ее применение в неадаптированной форме к пониманию благосостояния в современной культуре вряд ли представляется возможным. Так, поскольку нас интересует современная культура с точки зрения наличия в ней или ее способности к благосостоянию, а современные способы его достижения характеризуются активной жизненной позицией, то и в культуре нас будут интересовать те ментальные и реальные практики, которые формируют или сами являются активной жизненной позицией.

Безусловно заслуживающим интереса является стремление «погружения в просветленную суть вещей» и бескорыстное интеллектуальное созерцание. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с тем, что бездеятельное отношение к жизни способствует достижению благосостояния. Капитализм, вне зависимости от того, является ли он преходящей

или конечной, как это считал, например, Ф. Фукуяма, общественно-экономической формацией, вносит свои коррективы в практики бескорыстия, ограничивая их областями меценатства, спонсорства и т. д., тем самым сужает сферу действия бескорыстного как характеристики благосостояния. Характерно, что при анализе способов внесударственного поддержания культуры в условиях современного капитализма, т. е. тех, которые не предполагают извлечение прибыли, принято говорить о благотворительности. Отсюда и бескорыстие как способ продуцирования блага, а значит и благосостояния, охватывает не всю деятельность современного бизнеса, и даже не все области культурной деятельности, так как само создание культурного продукта только в ряде случаев имеет основанием бескорыстие, а не желание извлечения прибыли. Недаром же учреждения культуры повсеместно предлагается использовать негосударственные источники финансирования для обеспечения своего функционирования. Интересным было бы в этой связи изучение практики по зарабатыванию внебюджетных средств и как оно влияет на теоретическое понимание культуры, помещая культурное на пик маслоувской пирамиды, до сих пор определяя культурное в противопоставлении корыстному.

Особое место в выяснении природы блага в идеалистической философии античности принадлежит Платону, который связывал с благом обретение определенного состояния не столько человеком, сколько богом и космосом. По Платону, космос находится в благом состоянии по определению, поскольку он прекрасен: «космос — прекраснейшая из возникших вещей» [18, с. 510] и в его основе лежит вечность. Прекрасное, таким образом, есть не что иное, как благое состояние космоса. Однако прекрасное не в эстетическом смысле, а в смысле идеи, с которой космос находится в отношении тождества и неизменности. Данные тождественность и неизменность сообщаются космосу демиургом, благое состояние которого есть условие создания прекрасных вещей, окружающих человека. И хотя Платон не дает четкого определения того, что составляет благо демиурга, такую дефиницию мы в состоянии вывести из анализа его деятельности: «Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому. Усмотрев в этом вслед за разумными мужами подлинное и наиглавнейшее начало рождения и космоса было бы, пожалуй, вернее всего. Итак, пожелавши, чтобы все было хорошо и чтобы ничто по возможности не было дурно, бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; он привел их из беспорядка в порядок...» [18, с. 511]. Благое отсюда — это то, что противостоит дурному,

зависти, беспорядку и нестройности. Это то, что хорошо, тождественно вечности и что, подобно космосу, является прекрасным. Следовательно, благом состоянием будет состояние, в котором отсутствует зависть, существует добро, порядок и прекрасное.

Характерно, что именно с античностью связана попытка философского истолкования блага, а значит, и возможность использования данного толкования блага для обоснования его культурфилософского понимания. Это связано с тем, что в дальнейшем «из трех равновесных и взаимобратимых понятий — блага, единого, бытия — удерживается только последнее. Поскольку бытие стало определяться (свободной) волей непосредственно (Шопенгауэр, Ницше) или в образе субъективности (Фихте, Гегель, Гуссерль), благо стало трактоваться как результат полагания и с XIX в. его место заняла ценность» [19].

Таким образом, культурфилософское понимание благосостояния предполагает совершенство, онтологичность, общественный характер и универсальность. Субъект как носитель благаго должен быть свободен от зависти, тянуться к порядку и нравственности. Он должен стремиться к достижению состояния блага, свидетельством которого является оптимальное состояние.

Список источников

1. *Горушкина С.Н.* Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Москва, 2011. 205 с.
2. *Долгин А.Б.* Экономика символического обмена. Москва: ИНФРА-М, 2006. 630 с.
3. *Абанкина Т.* Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/ekonomika-zhelaniy-v-sovremennoy-civilizacii-dosuga> (дата обращения: 26.10.2017).
4. *Культура и рынок. Опекаемые блага* / под ред. А.Я. Рубинштейна, В.Ю. Музычук. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. 400 с.
5. *Резник Г.А., Акифьев И.В.* Влияние культуры на формирование национального благосостояния // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 5 (91). С. 84–89.
6. *Рубинштейн А.Я.* Опекаемые блага: институциональные трансформации. Москва: Ин-т экономики РАН, 2011. 42 с.
7. *Экономика* [Электронный ресурс] // Философский словарь терминов и понятий. URL: <http://www.phildic.ru/ekonomika> (дата обращения: 26.10.2017).
8. *Бородай А.Д.* Культурная элита России: опыт идентификации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3–1. С. 30–36.
9. *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозинский Э.Д.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и аме-

- риканских политических реалий. Москва : Экзамен, 2001. 608 с.
10. Шохин В.К. Благо [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7effd088db83f68128fb7> (дата обращения: 26.10.2017).
 11. Доброхотов А.Л. Онтология [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae870519c2e6689cb55> (дата обращения: 26.10.2017).
 12. Sharman R. The Invention of Fine Art: Creating a Cultural Elite in a Marginal Community // Visual Anthropology. 2004. № 17(3–4). P. 345–367.
 13. Griffiths D., Miles A., Savage M. The End of the English Cultural Elite // The Sociological Review. 2008. Vol. 56 (1). P. 187–209.
 14. Лазуткина Е.В. Ассоциативный эксперимент по методике А. Назарова и Р. Соколова «Серия тематических ассоциаций» с выражением-стимулом «современная российская культурная элита» в студенческой аудитории Сибирского федерального университета // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5/1. С. 183–192.
 15. Ljunggren J. Elitist Egalitarianism: Negotiating Identity in the Norwegian Cultural Elite // Sociology. 2017. № 51(3). P. 559–574.
 16. Китов Ю.В. К вопросу о наполнении культурных интересов современной российской элиты // Культура в контексте гуманитарного знания. Москва, 2007. С. 69–79.
 17. Петрова М.Г. Культурная элита современной России: проблемы и перспективы // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2008. №1(8). С. 116–127.
 18. Платон. Тимей // Соч. в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. С.С. Аверинцева. Москва : Мысль, 1971. С. 457–541.
 19. Бибихин В.В. Благо [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. Москва : Мысль, 2001. URL: www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-147.htm (дата обращения: 26.10.2017).

ON THE PROBLEM OF STUDYING THE WELLBEING AS A CULTURAL PHENOMENON

YURY V. KITOV

Arctic State Institute of Culture and Arts, 4, Ordzhonikidze Str., Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, 677000, Russia

E-mail: ykitov@gmail.com

Abstract. *The article takes on the problem of wellbeing as a phenomenon of culture. Before turning to the disclosure of the essence of wellbeing from the viewpoint of the cultural and philosophical approach, the article reveals the advantages and weaknesses of the linguistic and economic approaches to the analysis of wellbeing. Therefore, the linguistic approach allows us to keep in the research focus the twofold essence of wellbeing, reflected in the two root linguistic nature of the word. Another strong point of the linguistic approach is the opportunity of retaining in the research focus the welfare not as an abstract idea, but as a phenomenon connected with the subject — the carrier of wellbeing. The weakness of linguistics is manifested when it becomes necessary to interpret the wellbeing as a cultural phenomenon, i.e. when the wellbeing carrier is not an abstract subject, but a subject of culture. The positive side of the economic approach is its concreteness, though expressed through pragmatism. The welfare, as an object of desire by a certain subject, appears for the economist only as a benefit. This*

circumstance becomes, within the framework of the economic approach, the watershed between beneficial and “unbeneficial” welfares, understanding by the former ones the income and profit — the value in economic terms. However, when it comes to the welfares whose value is determined by beyond-pragmatic cultural reasons, the economic approach appears less adequate. Hence, the article states that to study the wellbeing as a universal and generic phenomenon from the field of culture, the most appropriate approach is the cultural and philosophical one. This approach considers the wellbeing as a state that shows perfection, ontological status, social character and universality. Its subject — the wellbeing carrier — is characterized by a person free from jealousy, desiring for order and morality. In the case of characterizing the elite through the wellbeing as a cultural phenomenon, the elite must be preoccupied not with its own wellbeing but with the wellbeing of the people it is destined to lead.

Key words: wellbeing, cultural and philosophical approach, economic approach, unity of logical and historical.

Citation: Kitov Yu.V. On the Problem of Studying the Wellbeing as a Cultural Phenomenon, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 662–669. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-662-669.

References

1. Gorushkina S.N. *Uslugi uchrezhdenii kul'tury kak instrument realizatsii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki* [Services of Cultural Institutions as a Tool for Implementing

- State Cultural Policy], Cand. soc. sci. diss. 22.00.06. Moscow, 2011, 205 p.
2. Dolgin A.B. *Ekonomika simvolicheskogo obmena* [The Economics of Symbolic Exchange]. Moscow, INFRA-M Publ., 2006, 630 p.
 3. Abankina T. *Ekonomika zhelanii v sovremennoi "tsivilizatsii dosuga"* [The Economics of Desire in the Modern "Civilization of Leisure"]. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/ekonomika-zhelaniy-v-sovremennoy-civilizatsii-dosuga> (accessed 26.10.2017).
 4. Rubinshtein A.Ya., Muzychuk V.Yu. (eds). *Kul'tura i ry-nok. Opekaemye blaga* [Culture and Market. The Patronized Goods]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2013, 400 p.
 5. Reznik G.A., Akifyev I.V. Vliyanie kul'tury na formirovanie natsional'nogo blagosostoyaniya [The Influence of Culture on the National Welfare Formation], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University of Economics], 2012, no. 5 (91), pp. 84–89.
 6. Rubinshtein, A.Ya. *Opekaemye blaga: institutsional'nye transformatsii* [The Patronized Goods: Institutional Transformations]. Moscow, Institut Ekonomiki RAN Publ., 2011, 42 p.
 7. Ekonomika [Economics], *Filosofskii slovar' terminov i ponyatii* [Philosophical Dictionary of Terms and Concepts]. Available at: <http://www.phildic.ru/ekonomika> (accessed 26.10.2017).
 8. Borodai A.D. Kul'turnaya elita Rossii: opyt identifikatsii [The Cultural Elite of Russia: Experience in the Identification], *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2012, no. 3–1, pp. 30–36.
 9. Ashin G.K., Kravchenko S.A., Lozinsky E.D. *Sotsiologiya politiki. Sravnitel'nyi analiz rossiiskikh i amerikanskikh politicheskikh realii* [Sociology of Politics. The Comparative Analysis of Russian and American Political Realities]. Moscow, Ekzamen Publ., 2001, 608 p.
 10. Shokhin V.K. Blago [Welfare], *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Elektronnyaya biblioteka instituta filosofii RAN* [New Philosophical Encyclopedia. The Electronic Library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7effd088db83f68128fb7> (accessed 26.10.2017).
 11. Dobrokhotov A.L. Ontologiya [Ontology], *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Elektronnyaya biblioteka instituta filosofii RAN* [New Philosophical Encyclopedia. The Electronic Library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae870519c2e6689cb55> (accessed 26.10.2017).
 12. Sharman R. The Invention of Fine Art: Creating a Cultural Elite in a Marginal Community, *Visual Anthropology*, 2004, no. 17 (3–4), pp. 345–367.
 13. Griffiths D., Miles A., Savage M. The End of the English Cultural Elite, *The Sociological Review*, 2008, vol. 56 (1), pp. 187–209.
 14. Lazutkina E.V. Assotsiativnyi eksperiment po metodike A. Nazarova i R. Sokolova "Seriya tematicheskikh assotsiatsii" s vyrazheniem-stimulom "sovremennaya rossiiskaya kul'turnaya elita" v studencheskoi auditorii Sibirskogo federal'nogo universiteta [Associative Experiment by A. Nazarov and R. Sokolov's Procedure "Series of Thematic Associations" with the Stimulus "Contemporary Russian Cultural Elite" among Students of the Siberian Federal University], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Ideas], 2016, vol. 8, no. 5/1, pp. 183–192.
 15. Ljunggren J. Elitist Egalitarianism: Negotiating Identity in the Norwegian Cultural Elite, *Sociology*, 2017, no. 51 (3), pp. 559–574.
 16. Kitov Yu.V. K voprosu o napolnenii kul'turnykh interesov sovremennoi rossiiskoi elity [On the Filling of Cultural Interests of the Modern Russian Elite], *Kul'tura v kontekste gumanitarnogo znaniya* [Culture in the Context of the Humanities]. Moscow, 2007, pp. 69–79.
 17. Petrova M.G. Kul'turnaya elita sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy [Cultural Elite of Modern Russia: Problems and Prospects], *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy* [Pro Nunc. Modern Political Processes], 2008, no. 1 (8), pp. 116–127.
 18. Plato. Timei [Timaeus], *Platon. Soch. v 3 t. T. 3, ch. 1* [Plato. Works in 3 volumes. Volume 3, part 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, pp. 457–541.
 19. Bibikhin V.V. Blago [Welfare], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. Available at: www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-147.htm (accessed 26.10.2017).